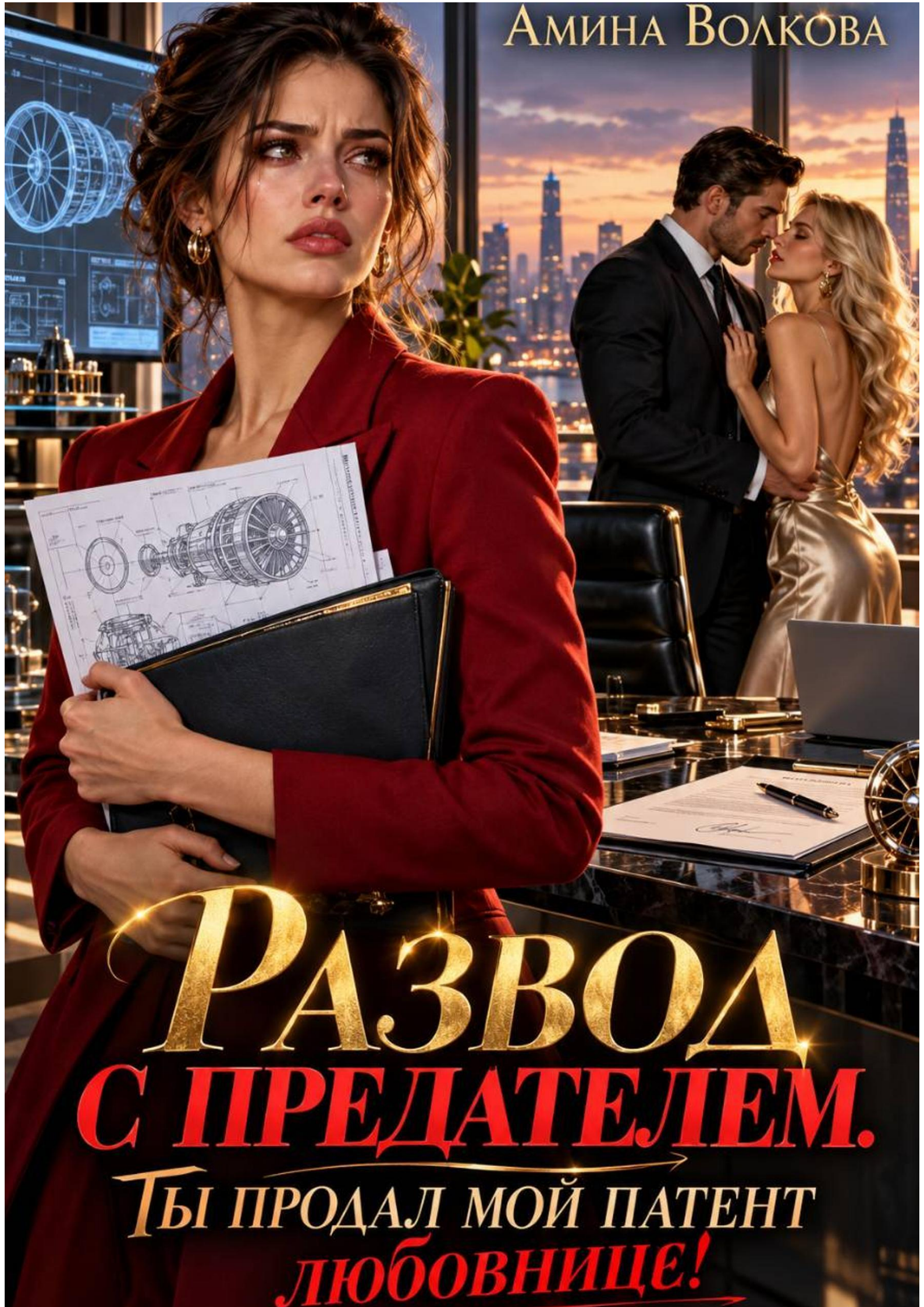

АМИНА ВОЛКОВА

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ.

ТЫ ПРОДАЛ МОЙ ПАТЕНТ
ЛЮБОВНИЦЕ!

Амина Волкова

**Развод с предателем. Ты
продал мой патент любовнице!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Ты продал мой патент любовнице! /

А. Волкова — «Автор», 2026

Муж вышвырнул нас с семилетней дочерью под дождь. А любовнице подарил мою разработку, над которой я работала пять лет.— Ты была хорошей прислугой, Марина. Но теперь ты никто! У Алисы тяжёлая астма. Нам негде жить, нечего есть и не на что купить лекарства. Сергей уверен, что забрал у меня всё. Только он не знает: единственная копия технологии спрятана в старом плюшевом зайце дочери. Когда опасный владелец холдинга Артур Волков предлагает помощь, я соглашаюсь ради Алисы. Но вскоре обнаруживаю, что украденная система может уничтожить целый завод. Сумею ли я спасти людей, наказать предателя и не попасть в зависимость от нового хозяина?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Амина Волкова

Развод с предателем. Ты продал мой патент любовнице!

Глава 1

Третий чемодан Сергей швырнул в лужу. У первого уже разошлась молния; из-под неё торчал рукав Алисиной кофты. Я попыталась втянуть его обратно, но мокрая ткань липла к пальцам. С носа текло, разбитую губу щипало. Сергей вынес следующий баул и поставил его ребром у бордюра. Хотя бы этот поставил. Потом отпустил ручку, и баул завалился в воду.

— Подожди! — крикнула я, пытаюсь перехватить ручку тяжелого баула. Ткань была мокрой и холодной, пальцы скользили. — Там документы Алисы. Ты хочешь, чтобы они промокли?

Плечом он оттеснил меня от баула. Даже лица не повернул. Раньше так протискивался мимо в тесной ванной: подвинься, мне некогда. Только теперь за моей спиной была лужа, а на мне — туфли, в которых я ходила с ним на собрание. Каблук подвернулся. Пришлось схватиться за чемодан, чтобы не сесть прямо на асфальт. Сергей переступил через мою руку.

Людмила вышла из подъезда, придерживая плащ у живота. Я смотрела на этот бежевый плащ: ни пятнышка, пояс завязан бантом. Под козырьком она остановилась и поджала губы, увидев мои вещи. И в квартиру ей входить можно, и на сухом месте стоять можно. Мне — даже руку не дают убрать из-под чемодана.

— Люда, не стой тут, простудишься, — мягко сказал Сергей, мгновенно меняясь в лице. Тем самым плечом, которым он только что толкнул меня, теперь заслонял её от дождя. Подставил локоть, поцеловал руку.

Меня затошнило. Они заранее договорились, что вынесут меня из этой жизни вместе с вещами. Даже охрану позвали заранее.

— Условия развода, — бросил Сергей, не глядя на меня. — Квартира остаётся мне. Я вложил в неё душу и ремонт. Ты забираешь только эти тряпки. И уходишь сегодня же.

— Ипотеку... — начала я, но на кашле потеряла голос. Ипотеку платила я. Курсы, после которых он получил повышение, тоже. В банковских выписках остались все переводы; сейчас бы произнести это спокойно, по пунктам. Сергей дождался, пока я сглотну дождевую воду, и засмеялся. Ему нравилось, что я не могу договорить.

— Женская истерика, — протянул он, доставая из-под дождевика старый металлический кейс. Мой кейс. Сервер. Годы бессонных ночей, чертежи системы очистки выбросов, мой единственный шанс спасти Алису.

Пальцы сами легли на ручку кейса. Я стёрла с замка каплю и потянула к себе. На крышке была моя царапина — задела отвёрткой, когда меняла диск. Я могла узнать этот кейс с закрытыми глазами, а он выносил его вслед за пакетами с бельём.

— Отдай! Это моя интеллектуальная собственность!

Людмила шагнула между мной и дверью, загородив проход.

— Оставь, дорогая. Это уже собственность завода. Ты ведь не хочешь проблем с охраной? Они здесь свои люди.

Один охранник вышел из-за гаражей и встал у моей машины. Второй подошёл к Сергею. Здоровые, сытые; у одного белела сигарета под ладонью, сложенной от дождя ковшиком. Их двое, Сергей третий. Алису я не могла оставить даже ради рывка к автомобильной дверце. Соседское окно над нами оставалось тёмным.

Отпускать пришлось по одному пальцу: я так вцепилась в ручку, что кисти свело. Сергей качнул кейс к охраннику. Тот поймал, перехватил поудобнее и посмотрел на застёжки. Мне хотелось крикнуть: не трясись, там диски. Забота о собственном украденном сервере была настолько нелепой, что я прикусила губу и промолчала.

— Ты была хорошей прислугой, Марина, — произнес Сергей, глядя мне прямо в глаза. В них не было тепла, только расчет. — Но Людмила — лучшая инвестиция. В ней есть капитал, а в тебе только пыль.

Телефон он выдернул из мокрой ладони, пока я пыталась включить экран. Заряда и правда не осталось. Сергей нажал кнопку дважды, скривился и бросил аппарат к чемоданам. Я знала, сколько он стоит: ещё два платежа по рассрочке. Он швырнул его так легко, словно платить всё равно предстояло мне одной.

— Не порти картинку, — цедил он.

Дверь подъезда захлопнулась со звуком выстрела. Свет в окне второго этажа погас. Только дождь барабанил по жестяному навесу. Я всё ждала, что дверь откроется: хотя бы за телефоном, хотя бы пожалеть вещи. Она не открылась.

У них остался сервер. Но резервную копию я делала сама, в тот вечер, когда Сергей впервые попросил у меня пароль «просто посмотреть». Пока он считал меня душой, привычка всё дублировать могла пригодиться. Я глянула на детский чемодан и проверила молнию. Цела.

Села на корточки рядом с чемоданом. Колени сразу промокли. Слёзы зачем-то не шли, хотя я ждала: вот сейчас станет жалко себя, и можно будет хоть поплакать. Вместо этого считала. Телефон у ноги. Документы — в бауле. Заяц — в детском. Алиса — под навесом, вижу её красный капюшон. Увести её. Остальное потом.

Чёрная микрофлешка лежала в кармане на заячьей спине, под несколькими кривыми стежками. Сначала я хотела положить её в шкатулку, но передумала: шкатулки Сергей открывал охотно. Зайцу же у Алисы он даже глаз не пришил — велел мне заняться, раз уж «всё равно дома сидишь». Этого зайца я и сунула в чемодан. Он вылетел на улицу первым. Спасибо хоть за это.

Алиса ждала под навесом у чемодана. Я подняла из лужи телефон, вытерла его подолом и пошла к ней. Сначала увести дочь из дождя. Потом проверить зайца.

Глава 2

У служебной двери столовой я переставила Алису с одного бедра на другое. Семь лет, почти школьница, а на ногах не держалась. Мокрый край куртки тёр ей шею. За дверью выливали воду из большого котла; оттуда потянуло свёклой, и дочь повернула голову на запах. Гена стоял у входа. Летом я полдня провозилась с его «Волгой» и денег не взяла. Сейчас мне нужен был борщ в любую посудину, хоть в пакет.

— Уходи, Марина Сергеевна, — Гена не смотрел мне в глаза. Он крутил в руках телефон, экран светился синевой. — Приказ сверху. Новое руководство. Ты здесь никто.

— Мне нужна еда, Гена. Просто остатки. Борщ. Каша. Что угодно. Дочь не ела со вчерашнего дня.

Гена поглядел на мои руки: ни кружки, ни денег. Достал из кармана смятое меню и бросил в бак, на мокрый поднос. Я читала его по дороге к столовой — суп, каша, хлеб. Всё это было там, за его спиной. Он мог войти и попросить лишнюю порцию. Вместо этого полез в телефон.

— Смотри, — он поднял телефон. На экране играло видео: Сергей обнимает Людмилу за талию. Они стоят посреди нашей бывшей гостиной. На журнальном столике бутылка шампанского, а на заднем плане виден мой ноутбук, открытый на рабочем столе. Сергей целует Людмилу в шею, смеется. В комментариях внизу бегущей строкой висит надпись: «Инвестиция оправдалась».

На видео он обнял Людмилу именно там, где я мерила Алисе рост карандашом по дверному косяку. Я сглотнула подступившую тошноту. Даже отметки не стёрли.

— Забирай своё дерьмо, — прорычала я, пятясь назад.

Алиса закашлялась мне в воротник. Я сначала придержала её, чтобы удобнее откашляться, потом услышала свист и поменяла хватку: выше, не прижимать грудь. Щёки у неё посерели. Ингалятор стоял на полке в нашей ванной. В нашей, чёрт бы их всех побрал. Я по привычке представляла эту полку даже тогда, когда ключа от квартиры у меня уже не было.

До медпункта я добежала, дважды едва не уронив дочь. На мокром асфальте туфли разъезжались; последние шаги пришлось пройти боком, как по льду. Врач сидела за столом. Я поставила Алису перед ней, поддерживая под мышками, — посмотрите, только посмотрите, для этого ведь даже вставать не надо. Женщина продолжала перелистывать бумаги.

— Ваш заводской пропуск аннулирован, — сказала она, перебирая бумаги. — После увольнения по статье. Вы понимаете? По статье. Я вас сюда не впускала. Идите в поликлинику. Или звоните в 103.

— Она задыхается! Посмотрите на неё!

Она всё-таки перевела глаза на Алису. Дочь приоткрыла рот, стараясь вдохнуть. Врач задержала на ней взгляд, затем потянула бумаги ближе к себе, точно я могла забрызгать их дождём.

— Не позорьте завод своим нищенским видом, — процедила она сквозь зубы. — Здесь больница для рабочих, а не благотворительная кухня для брошенных жен.

На улице Алиса взяла меня за палец и повисла. Я держала её выше, чем раньше: может, так легче вдохнуть. До ворот было недалеко. Там обычно выходили рабочие после смены, кто-нибудь мог сходить в аптеку. Сама я уже боялась отпустить дочь даже на время разговора у окошка.

У ворот курили после смены. Я подошла к молодому парню, у которого не были заняты руки. Расстегнула цепочку на шее и сняла с неё кольцо. Бриллиант цеплялся за застёжку, я дёрнула сильнее, оставила на коже красную полоску. Сергей подарил его на пятую годовщину. Теперь пусть этот подарок оплатит его дочери лекарство.

— Возьми, — прошептала я. — Только купи ей ингалятор. Я покажу название в назначении. Пожалуйста.

Парень взял кольцо, повертел в пальцах.

— Дам триста.

— Один ингалятор стоит две тысячи!

— Б/у вещь. Да и золото нынче не то. Триста. И ты мне ещё серьги добавишь.

Я посадила Алису на низкую бетонную тумбу у ворот, боком к себе. Серьги нашлись в кармане под мокрым платком. Я положила их на ладонь. Парень уже протянул пальцы, потом глянул поверх моего плеча и убрал руку. Даже торговаться перестал. Я повернулась, придерживая Алису коленом.

— А-а, Маринка... — протянул знакомый бас. Начальник цеха Кузьмич подошел ближе, плюнув на снег. — Чего торгуешь? Позоришь нас?

— Помогите купить лекарство, — взмолилась я.

Кузьмич схватил меня за плечо, развернул к себе.

— Узнал её? — сказал он парню, который пытался юркнуть в толпу. — Та самая, что мужика на работу приволокла, а теперь сама гуляет. Предательница. Сергей Аркадьевич прав был, что выставил тебя.

Он выхватил у меня из рук серьги. Золото блеснуло в тусклом свете фонарей.

— Верни! — я попыталась забрать, но он оттолкнул меня. Я упала спиной в грязный сугроб. Холод мгновенно пробрал до костей.

Кузьмич набрал номер. Прижал трубку к уху, включил громкую связь.

— Алло, Сережа? Тут твоя Марина у ворот торгует твоими подарками. Грязью мажет. Что делать? Вызывать полицию или самому разобраться?

В трубке послышался смех. Лязг стекла о стекло. Шампанское.

— Пусть идёт к черту, — голос Сергея был пьяным и довольным. — Скажи ей, чтобы прекратила шантажировать меня своим присутствием. Если она не уедет к родителям в деревню через час, я вызову участкового. Бродяжничество. С малолетней дочерью. Пусть больше не мелькает у проходной.

— Ты слышишь? — Кузьмич орал в трубку, глядя на меня с презрением.

Сергей говорил через громкую связь, и дочь тоже слышала. Я поднялась из снега и наклонилась к Алисе. Пришлось отвернуть её лицо к своему плечу — бесполезно, конечно, но я всё-таки попыталась. Кузьмич держал телефон между нами и ухмылялся. Ему нравилось, что Сергей развлекает целую компанию, а дочь всё это слышит.

— Ты теперь никто, Марина, — Сергей произнес это медленно, растягивая звуки. Даже сквозь помехи связи я чувствовала его улыбку. — Даже тень твоего имени стоит дороже тебя. Не трать время.

Кузьмич ещё секунду держал телефон, хотя Сергей уже отключился. Показал мне потухший экран: видишь, на этом разговор закончен. Я нагнулась за платком, выпавшим на снег, и он позволил мне нагнуться. Помогать даже не собирался.

Кузьмич бросил мне серьги. Парень сунул кольцо обратно в ладонь и отступил, пока его тоже не втянули в скандал.

— Беги, пока не побил.

Серьги я поймала и сунула обратно в карман. Кольцо зажала вместе с ними. Алиса всё больше оседала; я подхватила её, согнувшись, и прижала щекой к себе. Кузьмич отступил, чтобы мы могли пройти. На аптеку денег так и не было.

Глава 3

В строительном вагончике дверь закрывалась, если приподнять её за край. Уже хорошо. Среди недостроенных гаражей больше ничего пустого я не нашла. Стекло в одном окне было выбито; я закрыла дыру картоном. На полу лежал матрас, который удалось сдвинуть из-под протечки. Термометр у двери показывал минус два. Сначала мне показалось, что он сломан. Потом я разжала пальцы и увидела, какие они белые.

Алиса уснула сразу, как только я положила её рядом с собой. Её дыхание стало более ровным, но всё ещё свистящим. Я сидела на корточках перед единственным оставшимся чемоданом. Остальные чемоданы я оставила у крыльца: унести всё и дочь было невозможно. Этот был маленьким, детским. Я схватила его первым, когда уводила Алису. Внутри лежали мои рабочие чертежи, завернутые в полиэтилен, и старый плюшевый заяц Алисы.

Заяц был местами лысым, с пришитыми ушами. Я распорол несколько стежков на спине. Под ватой был вшит маленький карман — моя страховка на случай, если Сергей доберётся до сервера.

Сергей забрал сервер. Забрал флешки. Забрал всё, что видел. Но он никогда не копался в детских игрушках. Он считал это ниже своего достоинства.

Флешка выпала на ладонь. Чёрная, без надписи; такую Сергей даже в порту бы не заметил. Я знала, что на ней: исходники, чертежи, ключи. Проверить сейчас было не на чем, но резервную копию я сделала сама и после записи открыла каждый архив. Пусть хоть это не подведёт.

В этот момент Алиса пошевелилась. Открыла глаза.

— Мама? — спросила она тихо.

— Спи, родная.

— Папа нас бросил?

Я поправила воротник её куртки. Она ждала ответа и смотрела так прямо, что привычное «папа занят» застряло у меня во рту. В семь лет она ещё могла ждать его всю ночь. Я не хотела оставлять ей это ожидание.

— Да, — сказала я. Голос сорвался. — Он сделал выбор. Плохой выбор. Ты тут ни при чём. Я с тобой, слышишь?

Алиса заплакала. Тихо, без всхлипов. Слезы текли по щекам, оставляя дорожки на грязи. Я обняла её крепче, чувствуя, как её худенькое тело сотрясается.

С крыши натекло опять. Я потрогала матрас возле Алисиного плеча: мокрый. Перетащила её ближе к стене и подсунула под одеяло сухую сторону куртки. Надо найти хоть какое-то тепло. Здесь она снова начнёт кашлять, и никакой код уже не понадобится.

На полке нашлись металлическая миска, обломки карандашей и газеты. Я опустошила карманы: серьги, платок, назначения, свечи. Эту пачку купила, когда у нас отключали свет. Тогда мы с Алисой называли тот вечер праздником без телевизора. Сейчас даже вспомнить это было стыдно.

Свеча не обогреет вагончик, я это знала. Зато возле неё можно отогреть пальцы. Я расчистила вокруг миски место, отодвинула газеты. Над дверью торчала деревянная рейка; если пламя перекинется на неё, мы отсюда с ребёнком не выберемся. Значит, только пока я смотрю и только одна.

Газетами заткнула щель у окна, остаток убрала подальше от огня. На свободный край металлической миски, найденной на полке, поставила одну свечу. Зажгла. Пламя дрогнуло, осветило лицо дочери. Протянула ладонь совсем близко — хоть пальцы отогреть.

Алиса потянула ко мне руки. Я обхватила её ладони своими и поднесла к свече, оставив до огня расстояние. На щеке у неё оставалась полоса грязи. Я стёрла её большим пальцем. Дочь следила за светом; пока следила, перестала плакать.

— Красиво, — прошептала она.

— Да, — ответила я. — Красиво.

Когда у Алисы усилился свист, я всё-таки дошла до сторожки и потребовала вызвать скорую. Дежурный ругался, но набрал номер. После помощи бригады дочь смогла уснуть; назначения я спрятала к чертежам. Обогреть вагончик свечой было нельзя. Я погасила её, подоткнула одеяло и до утра слушала дыхание. Завтра нужны лекарства на каждый день. Не ещё одна ночь на удачу.

Утром прораб, здоровый мужик в оранжевом жилете, пнул дверь вагончика ногой.

— Вставайте! Сюда кирпичи везут. Освобождайте место. Быстро.

Начала складывать всё обратно, не споря с прорабом. На спор уйдёт время, а у нас мокрое одеяло и Алиса в одном ботинке. Второй ботинок нашёлся под матрасом. Я сунула его ей в руки, занялась чертежами: в полиэтилене, угол к углу. Лучше бы так тщательно паковала домашнюю аптечку.

Прораб осмотрел нас с головы до ног. Его взгляд задержался на зайце, который я держала в руках.

— Ну, ладно, баба, — фыркнул он. — Ещё одну ночь. Но завтра выметайтесь. Жалость у меня короткая.

Он отвернулся, даже не заметив, как я аккуратно засунула микрофлешку обратно в спрятанный карман игрушки. Заяц стал просто мягкой подушкой. Никто не искал там ничего. Я застегнула куртку поверх зайца: прораб смотрел уже на площадку, а не на игрушку.

Когда прораб ушёл, я оставила Алису под одеялом и дошла до контейнеров у стройки. У рабочих иногда оставались коробки с недоеденным обедом. Я старалась не думать, кто его до нас ел. Если в пакете найдётся целый кусок хлеба, для сегодняшнего утра этого хватит.

Там, среди картонных коробок и пакетов, меня перехватила уборщица. Старуха с красными от ветра руками. Она схватила меня за локоть, таща за угол здания.

— Ты жива ещё? — прошипела она. Глаза бегали.

— Почти.

— Слушай сюда, — она говорила быстро, боясь, что её услышат. — Сергей не дурак. Но он слепой. Он продал чертежи не только Людмиле. Он слил копии конкурентам. Говорят, завтра будет запуск новой линии.

— И что?

— Там ещё что-то не доделано, — уборщица понизила голос до шепота. — Ночью у конструкторов убирала, слышала: месяц проверки нужен. А Сергей уже велел готовить запуск. Ему деньги срочно нужны.

«Месяц проверки». Я присела на край бетонного блока, хотя он был мокрый. Уборщица дернула меня за рукав: стой нормально, увидят. А мне надо было вспомнить, какую именно сборку Сергей взял с сервера. Тестовую. Он забрал тестовую.

Я вспомнила деталь, которую пропустила в панике ночи изгнания. В моей тестовой версии стояло ограничение нагрузки. Без полного цикла испытаний его нельзя снимать. Если Сергей обошёл блокировку ради запуска, при перегрузке фильтры начнут перегреваться. В худшем сценарии за два часа пострадает весь контур и газовые резервуары. Он мог этого не понять — или решить, что успеет получить деньги раньше.

Сергей украл незавершённую технологию. И теперь собирался продавать её как готовую.

Если бы я вернулась и подписала его акт без проверки, ответственность легла бы и на меня. Он не просто вышвырнул меня из квартиры — отрезал от данных, по которым я могла проверить запуск.

Мне нужны были журналы изменений и доступ к стенду. Уговорить Сергея? Он скорее отдаст меня охране. Значит, придётся искать того, кому он тоже лжёт.

— Спасибо, — сказала я уборщице.

Она кивнула и убежала, пряча руки в карманы.

Я вернулась в вагончик. Алиса спала, свернувшись калачиком под одеялом. Заяц лежал рядом с ней. Я взяла его, прижала к груди. Под ватой лежали исходники. По ним можно доказать, что именно изменили перед запуском.

За стеной вагончика раздался низкий гул. Машина подъехала медленно, мощно. Стекло затряслось от басов. Я выглянула в щель между досками.

В щели между досками был виден чёрный внедорожник. Заднее стекло целое, на дверце ни царапины. Номера с моего места я разглядеть не смогла. Алиса заворочалась на матрасе; я отошла от окна и сначала подоткнула ей одеяло. Машина могла подождать, если приехала не за нами.

Я вернулась к щели. Дверь машины открылась. Высокий мужчина вышел в снег. Он не смотрел по сторонам. Он смотрел прямо на наш вагончик. Я отступила от щели: он смотрел именно сюда, а не на соседний контейнер.

Это был не Сергей. Это был кто-то другой. Кто-то, кто знал цену информации.

Мужчина достал телефон. Набрал номер. Я видела, как он поднял голову, осматривая окна вагончика.

— Она здесь, — сказал он в трубку. Его голос был спокойным, холодным, как сталь. — Найдите её. Пока она не сделала какую-нибудь глупость.

Глава 4

В куртке нашлась дыра под мышкой. Оттуда тянуло при каждом движении, и я прижимала локоть к боку даже во сне. Запах бензина въелся в воротник; стоило повернуть голову, как начинало мутить. Я потеряла разошедшийся шов. Зашила бы, если бы нашлась иголка. Раньше такую куртку выбросила бы без сожаления. Сейчас примеряла, как развернуть подкладку, чтобы меньше дуло.

Стены вагончика дрожали, когда порыв ветра бил со стороны гаражей. Я выслушивала: скрип — ещё один скрип — пауза. Держится. Матрас был у стены, Алиса спала на его сухом краю. Одеяло с помойки кололось, но снять его с неё я не могла. На вдохе у дочери втягивалась ямка у горла. После скорой свист стал тише; слушать я всё равно не перестала.

От голода проснулась ещё до рассвета. Села, чтобы не застонать рядом с Алисой, и долго искала в сумке последнюю купюру. Она прилипла к мокрому назначению врача. Разняла их осторожно, просушила на ладони. На хлеб хватит; на лекарство — нет. Воду можно набрать у колонки, значит, за неё не платить. Уже целый расчёт на день.

В столовую я пришла до открытия раздачи. Если дожидаться очереди, толпа вытолкнет меня обратно — вчера у служебной двери уже пробовала. Бейджа в кармане не было, я проверила всё равно. Пустое отделение под пальцами. Из привычки делала движение, которое раньше открывало мне дорогу на работу.

— Проходите, — буркнул охранник, даже не поднимая глаз от телефона.

Охранник пропустил меня, не сверяя лицо с экраном. Я вошла, пока он не передумал. У раздачи пахло жареным маслом, и впервые за утро я сглотнула слюну. Рабочие впереди перекладывали каски из руки в руку. Один зевал; на его рукаве было засохшее белое пятно. Все заняты своей сменой. Я взяла пустую тарелку и встала в очередь, как раньше.

— Что желаете? — спросила женщина за стеклом, равнодушно глядя сквозь меня.

— Хлеб белый. И компот, если есть.

Женщина перевела взгляд с тарелки на мои перчатки. Вчера я уже стянула с них грязь платком — не помогло. Раньше она предупреждала меня, когда борщ пересолен; Сергеем оставляла кусок мяса покрупнее. Мне захотелось назвать её по имени. Но имени я не вспомнила, только то, как она улыбалась мужу.

— У нас нет сдачи для «пассажиров», — сказала она, не повышая голоса. Это был шепоток презрения. — Бейдж покажите.

— Я больше не работаю здесь, — ответила я тихо.

— Значит, выходите.

Охранник у двери уже сделал шаг ко мне. Его рука легла на ремень брюк, где висела дубинка.

Пятнадцать лет инженерного стажа, и я стояла с пустой тарелкой, пока охранник трогал дубинку. Объяснять ему про ребёнка? Он слышал вчера, Гена ему наверняка пересказал. Я поставила тарелку обратно. Если останусь спорить, он вытолкнет, разобьёт посуду, а с меня ещё потребуют за неё деньги.

На улице я наклонилась, упёрла ладони в колени и подождала, пока перестанет сводить живот. Удалось войти — не удалось купить хлеб. Так и запишем. Алиса осталась одна, а я потратила на этих людей двадцать минут. Выпрямилась и пошла быстрее, наступая на носок: каблук ещё вчера расшатался.

Алиса сидела на матрасе, подтянув колени. Я помогла ей выпрямиться и услышала свист. Запасной ингалятор и небулайзер остались на полке в ванной. Я бы разбила то окно, если бы

могла туда подняться и оставить ребёнка с кем-нибудь. Одна. Как же неудобно быть одной именно в эту минуту.

В медпункте у Надежды Петровны были запасные ингаляторы, я помнила ящик под кушеткой. Она делала мне перевязки и знала Алису. Может, её сегодня смена. До синего здания за забором пятьсот метров; я считала это расстояние по цеховым указателям. Быстрее, чем опять добираться до сторожки.

Выскочила к медпункту, прижимая назначение под курткой. На повороте поскользнулась, чуть не села, подхватила себя рукой о забор. Под перчаткой сразу намокло. Даже не сняла её — полминуты, потом проверю.

Дверь медпункта была закрыта. На стекле висело объявление: «Прием с 9 до 14». Часы показывали 8:50. Десять минут. Я постучала. Потом снова.

Дверь открылась чуть позже положенного. За ней стояла не Надежда Петровна, а молодой фельдшер, которого я видела впервые.

— Здравствуйте. У ребенка приступ астмы. Нужен ингалятор или кислород. Пожалуйста.

Фельдшер посмотрел мне в лицо и задержался. Я видела это узнавание: на заводе обо мне успели поговорить и там, где я никогда не была. Он нахмурился, будто я уже принесла неприятность ему, а не просила убрать неприятность у дочери.

— Вы Марина Волкова? То есть... бывшая жена главного механика?

— Да. Помогите.

Он помедлил секунду, затем покачал головой и начал закрывать дверь.

— Стойте! — крикнула я, просовывая ногу в щель.

Из глубины кабинета раздался громкий, металлический голос динамика. Это была система оповещения по территории. Я узнала голос Людмилы: она опять распоряжалась здесь как хозяйка. Она говорила сухо, официально, как читала приказ о сокращении штата.

«Для предателей лекарств нет. Пропускной режим усилен. Все лица, уволенные по статье за нарушение трудовой дисциплины или совершение действий, подрывающих репутацию холдинга, лишены права на медицинское обслуживание на объектах компании».

Я едва успела выдернуть ногу: дверь захлопнулась перед моим носом. Вслед за ней щёлкнул замок.

Несколько секунд стояла перед закрытой дверью. Заново стучать? Вон тень фельдшера на матовом стекле, он ещё рядом, прекрасно слышит. Но Алиса ждёт в вагончике. Назначение я засунула обратно под куртку, чтобы не размылись буквы. Если потребуется новая скорая, покажу им — хотя бы объяснять сначала не придётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.